

Рафаил ГАНЕЛИН

О НЕКОТОРЫХ ЭСТОНСКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕТИЦИЯХ ПО УКАЗУ 18 февраля 1905 года

Нам уже приходилось рассматривать петиции эстонских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. в связи с петиционной кампанией в Прибалтийском крае, носившей там почти исключительно крестьянский характер, равно как и отмечать особенности крестьянских ходатайств в общероссийском масштабе¹.

Лишь крестьянская демократия рассматривала созыв представительства, обещанный царским рескриптом 18 февраля 1905 г., как средство проведения социальных преобразований. Осуществление заветных крестьянских чаяний связывалось в них не с монаршей милостью, а с созывом представительства. Сквозь верноподданническую фразеологию видны были элементы формировавшегося классового самосознания.

Недаром именно крестьянские петиции в наибольшей мере подверглись тому «известного рода кастрированию», которое, как писал один из участников государственных преобразований тех лет, претерпели многие петиции перед включением их в напечатанный типографским способом свод, хоть он и предназначался для ограниченного круга сановников, а не для широкой публики. По его подсчетам², канцелярия Совета министров включила в свод с изменениями 33 крестьянские петиции из 51, в то время как все шесть дворянских были включены в неизменном виде, из 17 заявлений земств было изменено одно, из 45, исходивших от городских дум, — четыре, из 51 заявления различных общественных учреждений — 18, а из 49 заявлений частных лиц — 16. В соответствии со стоявшей перед сановниками официальной целью — выработкой положения о т. н. Булыгинской думе — в свод включались лишь те петиции или части их текста, которые были непосредственно посвящены требованиям государственных преобразований.

Требования социально-экономического характера в своде фигурировать не должны были, но социально-экономическая обусловленность политических требований была нестремима. И те, и другие были нами рассмотрены в числе всех требований эстонских, латвийских и литовских крестьян с учетом наличия нескольких типовых проектов крестьянских ходатайств.

Однако представляется возможным установить, в каком виде политические, правовые требования, исходившие из эстонской деревни, были включены в общероссийский свод. В нем было пять эстонских крестьянских ходатайств, одно, касающееся интересов крестьян эстонцев и латышей Лифляндской губернии, и всего одно некрестьянское эстонское ходатайство, исходившее от Ревельской городской думы. Нам известны также два ходатайства эстонских крестьян, поступившие осенью и потому не включенные в свод и не вошедшие в число рассмотренных нами ранее (указ 18 февраля 1905 г., установивший право петиций, был отменен уже 6 августа того же года).

Как и в общероссийском масштабе, петиционная кампания в Эстонии далеко выходила за те пределы, которые ставили ей в «верхах» либе-

¹ Ганелин Р. Ш. Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика // Вспомогательные исторические дисциплины, XV. Л., 1983, 170—185; Ганелин Р. Ш. Петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины, XVIII. Л., 1987, 196—208.

² Таганцев Н. С. Пережитое. 2-й вып. Петроград, 1919, 83.

рально-буржуазной оппозиции. В рассматриваемых ниже петициях это проявилось в частности в отсутствии влияния типовых проектов, в классовом крестьянском характере требований, в том числе и тех, которые относились к национальному вопросу.

Разумеется, крестьянские обращения к верховной власти не могли быть документами отчетливо революционного содержания. Тем не менее в них отразились острые социальные противоречия, проявившиеся при обсуждении петиций на сельских сходах, которые революционные социал-демократы использовали для политической агитации в массах.

Три имеющиеся в нашем распоряжении петиции, представленные в свод в извлечениях, содержали общераспространенные требования созыва представительства, две — на основе пресловутой «четыре-востки», всеобщего, прямого, равного и тайного голосования (Оберпаленского эстского сельскохозяйственного общества Лифляндской губернии и крестьян Кергельской, Карастеской и Эраствереской волостей Верроского уезда и Ново-Отепяской волости Юрьевского уезда Лифляндской губернии) и одна — на основе равного, прямого и тайного голосования (крестьяне Ильценской волости Верроского уезда Лифляндской губернии)³.

Три петиции, включенные в свод полностью, заслуживают воспроизведения как ярко отразившие стихийное крестьянское понимание классово обусловленности национального вопроса. Первая из них, исходившая от доверенных латышских крестьян Замок-Зербенской волости Венденского уезда Лифляндской губернии и особенно интересная отчетливым представлением о солидарности интересов латышского и эстонского крестьянства в борьбе против немецкого дворянско-помещичьего землевладения, гласила:

«Высочайшею волею в самое короткое время будет созван народный собор, состоящий из достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей нашего обширного отечества. Что касается предстоящего представительства на соборе, то земские губернии находятся в более выгодном положении, чем Прибалтийский край, в состав коего входит наша губерния и волость.

Представительство края всецело находится в руках немецко-дворянского «ландтага», члены которого, ввиду сложившихся исторических обстоятельств, избираются крайне ограниченным числом немецких дворян и опять-таки из одних и тех же немецких дворян. Громадное большинство жителей губернии, именно сельские обыватели, принадлежащие к латышской и эстской народностям, несут одни только обязанности, не имея никакого участия в распределении на «ландтагах» сих обязанностей.

Кроме того, известно, что 1) отношения между правящим в крае немецким дворянством с одной стороны и коренным населением края (латышами и эстами) с другой стороны, именно из-за этой неравноправности, установились самые неприязненные, каковое обстоятельство вполне подтвердилось во время последних событий в крае; 2) интересы немецких дворян, старающихся удержать за собою древние устарелые права монополии по управлению краем, совершенно противоположны интересам коренных сельских обывателей, латышей и эстов, ставших после освобождения их из крепостного состояния соперниками дворян-немцев в экономической и общественной жизни.

³ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 146, 203, 149. Такой же принцип голосования выдвигался в состоявшем из трех пунктов обращении 730 крестьян Лифляндской губернии, которое мы не можем отнести к эстонским или к латышским. Оно содержало, кроме того, требования контроля над исполнительной властью со стороны представительства, а также наказания и увольнения должностных лиц в правительственных, общественных и судебных учреждениях лишь по суду (там же, л. 224).

При таких обстоятельствах, где представители губернии и главный состав селения принадлежат к разным враждебным друг другу нациям и где жизненные интересы обеих групп на каждом шагу сталкиваются, надеяться на беспристрастное представительство всего населения губернии со стороны одних только выборных «ландтага» мы, сельские обыватели, не можем, тем более, что опыт прошлого по этим делам вполне подтверждает наши опасения.

Потому что между жителями края из латышей и эстов имеется много интеллигентных личностей, хорошо знающих наши нужды, знакомых с обстоятельствами и владеющих русским языком, выбор из них делать будет не трудно, если будет предоставлено волостям право выбирать по одному делегату, которые выберут далагата того прихода, в состав которого волости входят. Делегаты же приходские могли бы под руководством начальника губернии выбрать губернских делегатов, причем желательным было бы, чтобы в нашей Лифляндской губернии были избраны делегаты из южной — латышской части и северной — эстской отделимо, так как жизненные обстоятельства эстов и латышей этой губернии в некотором отношении рознятся.

В виду изложенного имеем честь просить Совет министров сделать распоряжение, чтобы в Особом Совещании и потом в созываемом в непродолжительное будущее народном Собрании участвовали на правах полноправных членов представители сельских обывателей — латышей и эстов — Прибалтийских и в особенности Лифляндской губерний, выбираемые самими обывателями из их же среды»⁴.

Поясним прежде всего, что представительство, созыв которого был обещан рескриптом 18 февраля, не сразу получило название думы, его называли и земским, и, как это сделано в приведенной петиции, народным Собранием. Что же касается особого совещания, которое, как надеялись на основании рескрипта представители либеральной общественности, займется при их участии разработкой проекта представительства, то оно так и не было создано. Вместе с несколькими чиновниками Булыгин разработал получивший известность под его именем проект. Авторы петиции требовали участия представителей крестьянства, выбранных им из своей среды, как в совещании для выработки положения о Булыгинской думе, так и в ней самой.

Отметим далее ясное понимание тесной связи национального гнета с социальным неравенством, которым проникнута петиция. В ней находим не противопоставление немцев, с одной стороны, эстонцам и латышам — с другой, а «крайне ограниченного числа немецких дворян» «громадному большинству жителей губернии, именно сельским обывателям, принадлежащим к латышской и эстской народностям». И, наконец, сознание общности интересов латышского и эстонского крестьянства наряду со стремлением отразить эти интересы при избрании представителей на основе порайонного принципа.

Пониманием связи между социальной и национальной формами угнетения проникнута и приводимая ниже петиция членов Эстонского вспомогательного общества в местечке Тапсе Эстляндской губернии.

«В Совет министров. На основании высочайшего манифеста 18 февраля с. г.⁵ Мы, нижеподписавшиеся⁶, всеподданнейше просим, чтобы в случае созыва народных представителей каждый полумиллионный инородный народ имел право представительства шести депутатов, одномиллионный инородный народ — восьми депутатов, а всего инородные наро-

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 1239-141.

⁵ В действительности право петиций, как уже говорилось, было установлено не манифестом, а указом, изданным в тот же день.

⁶ Подписи в своде не воспроизведены.

ды — третьей части всего числа депутатов, и чтобы выборы были произведены на следующих основаниях: а) избирательным правом пользуются все совершеннолетние русские подданные; б) избиратели выбирают народных представителей непосредственно, и в) народными представителями могут быть не имеющие имущества и неграмотные»⁷.

Требования национального представительства, а также бесцензурного всеобщего пассивного избирательного права делали это ходатайство одним из наиболее далеко идущих в общероссийском своде.

И, наконец, две петиции эстонских крестьян, составленные после того, как 18 сентября 1905 г. вслед за т. н. учреждением (статутом) Бульгинской думы и положением о выборах в нее, опубликованными 6 августа, были приняты правила об их применении и введении в действие. Как известно, избрание выборщиков в губернские избирательные собрания должно было происходить от помещиков и от крестьян отдельно. Помещики назывались уездными землевладельцами, крестьянские же выборы определялись как производившиеся от волостей, причем выборщики от съездов уполномоченных от волостей в губернском собрании должны были избрать из своей среды одного члена думы, а затем все выборщики — остальное число членов думы от губернии. Помещичий круг уездных землевладельцев был огражден от проникновения в их среду чуждых элементов не только установлением земельного ценза, но и специальной ст. 14 правил, которая предусматривала, что владение землей, входящей в состав надельных крестьянских земель, а также в состав крестьянской повинностной земли в Лифляндской губернии, крестьянской арендной земли в Эстляндской губернии и на о-ве Эзель и крестьянских участков в Курляндской губернии, даже если земля выкуплена в собственность, не дает владельцам права на причисление к уездным землевладельцам⁸.

Две нижеприводимые петиции как раз и показывают, что крестьянское представительство, с которым некоторые из сановников связывали надежды на «успокоение», отнюдь не удовлетворяло крестьян и не способствовало смягчению антипомещичьих настроений.

Первая из них была составлена на о-ве Эзель (в деле два ее экземпляра, один со 178 и другой с 75 подписями) 20 сентября 1905 г. Адресованная Особому Совещанию для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил под председательством гр. Д. М. Сольского эта петиция гласила:

«От волостей Лифляндской губернии по расписанию назначается в Государственную думу только один человек. Осмеливаемся покорнейше просить дополнить расписание членов Государственной думы назначением специального члена от Эзельского уезда Лифляндской губернии. Причины побудившие нас к этому ходатайству следующие:

Остров Эзель или Эзельский уезд находится при совершенно особых законах и условиях, чем материковая часть Лифляндской губернии.

При большинстве выборщиков член Думы от волостей, конечно, будет избран из материковой части губернии и тогда остров Эзель останется без всякого представителя, ибо человек, который лично не знаком с условиями нашего уезда, нисколько не знает защищать его интересы. Напротив частные землевладельцы (помещики и пр. Эзельского уезда) имеют шансы на отправление представителя в думу, так как число их по губернии по расписанию составляет более одного.

У нас крестьянское положение 1819 года и положение о поземельном устройстве 1865 года, между тем как в остальной части губернии действует крестьянский закон 1860 г. В отношении же некрестьян и не-

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 331.

⁸ Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.). СПб, 1907, 201.

крестьянских земель в Эзельском уезде существуют местные узаконения (3 час. свода мест. узак.) наравне с остальной частью губернии.

Здесь и много еще других особенностей. Что нас, островитян, отделяют от Лифляндской губернии, докажет и то обстоятельство, что прогрессивные улучшения, принятые в Лифляндской губернии, например переоценка земель и т. д. не распространяются на Эзельский уезд»⁹.

По сравнению с предыдущими эта петиция, казалось бы, носит несколько особый характер, она содержит, на первый взгляд, требование не крестьянского и не национального, а регионального представительства. На самом же деле речь здесь идет о введении от уезда специального крестьянского представителя вдобавок к одному крестьянскому («от волостей»), приходившемуся на губернию по положению о выборах. Причем крестьяне острова надеялись, что их представитель будет отстаивать крестьянские интересы против представителя уездных помещиков, который, как они ожидали, может в Думу попасть.

Если эта петиция была направлена против недостаточности специально крестьянского представительства, то вторая требовала отмены запрета участия крестьян в избирательных съездах уездных землевладельцев, установленного, как мы видели, ст. 14 правил в частности и для прибалтийских губерний. Подписанная 72 крестьянами волости Авандус Везенбергского уезда Эстляндской губернии 26 сентября 1905 г., она попала в руки губернских властей и была задержана. Лишь 23 октября, после манифеста 17 октября, она была отправлена и. д. эстляндского губернатора А. Н. Гирсом государственному секретарю¹⁰. Приводим ее текст с исправлением двух грамматических ошибок.

«Принимая во внимание, что сего числа объявлено Авандусским волостным старшиною Штейнбергом, что согласно ст. 14 высочайше учрежденных 18 сентября 1905 года правил о применении и введении в действие учреждения Государственной думы крестьянам собственникам, владеющим в волости Авандус 4972 десятинами купленной крестьянской арендной земли, не дано права выбрать представителей в Государственную думу в съезде уездных землевладельцев, что мы, нижеподписавшиеся, считаем неправильным потому, что мы, крестьяне, платим с принадлежащих нам земель столько же и еще гораздо больше, чем помещики землевладельцы, как государственных, так и остальных земских повинностей и мы не имеем со своей среды представителей, которые могли бы защищать наши права против помещиков землевладельцев, пользы которых противоречат нашим. Например, помещикам дано единственное¹¹ право винокурения и они платят за доставляемый на винокурные заводы их картофель цену как им только нравится и так как в нашей местности у крестьян землевладельцев единственный доход от картофеля, то нередко встречается, что они вовсе не хотят принимать от крестьян таковой и приготавливают спирт из привозимого из Америки манса лишь с целью оставить крестьян в нужде и заставить их в следующем году отдать свой картофель за самую ничтожную цену. Таких примеров имеется масса.

Вследствие всего вышензложенного честь имеем всепокорнейше просить Государственный совет, чтобы нам было бы предоставлено право участвовать в съезде уездных землевладельцев для избрания представителей в Государственную думу через уполномоченных по числу определенного для каждого уезда количества десятин земли»¹².

Как видим, и эта петиция обладала ясно выраженной антипомещичьей направленностью. Не исключено, что именно это обстоятельство

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 4, л. 483—486.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 8, л. 173.

¹¹ Имеется в виду — монопольное.

¹² ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 8, л. 174, 175.

наряду с выдвинутым в ней требованием изменения только что принятого закона послужило причиной задержки ее губернскими властями.

Приведенные здесь петиции, само собой разумеется, исходили из той крестьянской среды, которая процессом распространения революционного сознания была затронута еще в небольшой степени. Но они отражали особенности и динамику этого процесса, шедшего бурными темпами навстречу подъему революционной борьбы в конце 1905—начале 1906 гг.

Представил К. Сийливаск

*Ленинградское отделение
Института истории СССР
Академии наук СССР*

Поступила в редакцию
7/II 1989

Rafail GANELIN

MÕNEDEST EESTI TALUPOEGADE PALVEKIRJADEST 1905. AASTA 18. VEEBRUARI UKAASI KOHTA

Artiklis on käsitletud neid palvekirju, mis jäid vaatlusest kõrvale autori uurimuses 1905. aasta petitsioonikampaania kohta Baltimaadel. On esitatud palvekirju ülevenemaalisest kogust, mis oli koostatud ja trükitud kõrgemate riigiametnike kitsale ringile, samuti palvekirju, mis olid saadetud pärast Bulõgini duuma valimise seaduse vastuvõtmist.

Palvekirjade analüüs näitab, et laialdaselt nõuti üldist otsust võrdset ja salajast hääletamist ning rahva esindatust valimistel, et talupojad polnud rahul neile jäetud õigustega duuma valimistel ja et 1905. aasta suvel ning sügisel olid talurahva nõudmised selgelt mõisnikevastased ja ülddemokraatlikud. Siin käsitletud dokumentmaterjal näitab revolutsiooniliste ideede levikut talurahva hulgas.

*NSV Liiidu Teaduste Akadeemia
NSV Liiidu Ajaloo Instituudi
Leningradi osakond*

Toimetusse saabunud
7. II 1989

Rafajl GANELIN

SOME ESTONIAN PEASANT PETITIONS ON THE UKASE FEBRUARY 18, 1905

The author studies the petitions not included in his recent special research on the 1905 petition campaign in the Baltic. The petitions included into the All-Russian code of laws compiled and printed for a limited number of functionaries and those sent after the adoption of election rules into the Bulygin Duma have been presented.

The analysis of the petitions reveals that the demands for universal, direct, equal and secret ballot and common people representation were spread.

The peasantry was not satisfied with the election rules to the Duma offered. Their demands in the summer and autumn of 1905 bear the anti-landowner and democratic character.

The petitions as well as other Estonian peasantry documents of the time reveal that the revolutionary ideas were spread among the peasants.

*Academy of Sciences of the USSR,
Institute of History of the USSR,
Leningrad Section*

Received
Feb. 7, 1989